

БИБЛІОІРАФІЯ.

Дѣтство и отрочество. *Сочиненіе* графа Л. Н. Толстаго. *Спб.* 1856.

Военные рассказы. Графа Л. Н. Толстаго. *Спб.* 1856.

«Чрезвычайная наблюдательность, тонкій анализъ душевныхъ движеній, отчетливость и поэзія въ картинахъ природы, изящная простота—отличительныя черты таланта графа Толстаго». Такой отзывъ вы услышите отъ каждаго, кто только слѣдитъ за литературою. Критика повторяла эту характеристику, внушенную общиѣмъ голосомъ, и, повторяя ее, была совершенно вѣрна правдѣ дѣла.

Но неужели ограничиться этимъ сужденіемъ, которое, правда, замѣтило въ талантѣ графа Толстаго черты, дѣйствительно ему принадлежащія, но еще не показало тѣхъ особенныхъ оттѣнковъ, какими отличаются эти качества въ произведеніяхъ автора «Дѣтства», «Отрочества», «Записокъ Маркера», «Метели», «Двухъ Гусаровъ» и «Военныхъ Рассказовъ»? Наблюдательность, тонкость психологическаго анализа, поэзія въ картинахъ природы, простота и изящество,—все, что вы найдете и у Пушкина, и у Лермонтова, и у г. Тургенева,—опредѣлить талантъ каждаго изъ этихъ писателей только этими эпитетами было бы справедливо, по вовсе недостаточно для того, чтобы отличить другъ отъ друга; и повторить то же самое о графѣ Толстомъ еще не значитъ уловить отличительную фیزیономію его таланта, не значитъ показать, чѣмъ этотъ прекрасный талантъ отличается отъ многихъ другихъ столь же прекрасныхъ талантовъ. Надобно было охарактеризовать его точнѣе.

Нельзя сказать, чтобы попытки сдѣлать это были очень удачны. Причина неудовлетворительности ихъ отчасти заключается въ томъ, что талантъ графа Толстаго быстро развивается, и почти каждое новое произведеніе обнаруживаетъ въ немъ новыя черты. Конечно, все, что сказалъ бы кто нибудь о Гоголѣ послѣ «Миргорода», оказался бы недостаточнымъ послѣ «Ревизора», и сужденія, высказавшіяся о г. Тургеневѣ, какъ авторѣ «Андрея Колосова» и «Хоря и Калпыча», надобно было во многомъ измѣнять и дополнять, когда явились его «Записки Охотника», какъ и эти сужденія оказались недостаточными, когда онъ написалъ новыя повѣсти, отличающіеся

стоинствами. Но если прежняя оцѣнка развивающагося таланта непремѣнно оказывается недостаточною при каждомъ новомъ шагѣ ого впередъ, то, по крайней мѣрѣ, для той минуты, какъ является, она должна быть вѣрна и основательна. Мы увѣрены, что не дальше, какъ послѣ появленія «Юности», то, что мы скажемъ теперь, будетъ уже нуждаться въ значительныхъ пополненіяхъ: талантъ графа Толстаго обнаружить передъ нами новыя качества, какъ обнаружилъ онъ севастопольскими разсказани стороны, которымъ не было случая обнаружиться въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ», какъ потомъ въ «Запискахъ Маркера» и «Двухъ Гусарахъ» онъ снова сдѣлалъ шагъ впередъ. Но талантъ этотъ, во всякомъ случаѣ, уже довольно блистателенъ для того, чтобы каждый періодъ его развитія заслуживалъ быть отмѣченъ съ величайшею внимательностью. Посмотримъ же, какія особенныя черты онъ уже имѣлъ случай обнаружить въ произведеніяхъ, которыя извѣстны читателямъ нашего журнала.

Наблюдательность у иныхъ талантовъ имѣетъ въ себѣ нѣчто холодное, безстрастное. У насъ замѣчательнѣйшимъ представителемъ этой особенности былъ Пушкинъ. Трудно найти въ русской литературѣ болѣе точную и живую картину, какъ описаніе быта и привычекъ большого барина старыхъ временъ въ началѣ его повѣсти «Дубровскийъ». Но трудно рѣшить, какъ думаетъ объ изображаемыхъ имъ чертахъ самъ Пушкинъ. Кажется, онъ готовъ былъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ: «можно думать различно: мнѣ какое дѣло, симпатію или антипатію возбудить въ васъ этотъ бытъ? я и самъ не могу рѣшить, удивленія или негодованія онъ заслуживаетъ». Эта наблюдательность — просто зоркость глаза и памятьливость. У новыхъ нашихъ писателей такого равнодушія вы не найдете; ихъ чувства болѣе возбуждены, ихъ умъ болѣе точенъ въ своихъ сужденіяхъ. Не съ равною охотою наполняютъ они свою фантазію всѣми образами, какіи только встрѣчаются на ихъ пути; ихъ глазъ съ особеннымъ вниманіемъ всматривается въ черты, которыя принадлежать «ферѣ жизни, наиболѣе ихъ занимающей. Такъ, напримѣръ, г. Тургенева особенно привлекаютъ явленія, положительнымъ или отрицательнымъ образомъ относящіяся къ тому, что называется поэзіею жизни, и къ вопросу о гуманности. Вниманіе графа Толстаго болѣе всего обращено на то, какъ однѣ чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силъ сочотаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сплываетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Психологическій анализъ можетъ принимать различныя направленія: одного поэта занимаютъ всего болѣе очертанія характеровъ; другаго — вліяніе общественныхъ отношеній и житейскихъ столкновеній на характеры; третьяго — связь чувствъ съ дѣйствіями; четвертаго — анализъ страстей; графа Толстаго всего болѣе — самъ процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы вырази-
тельными терминами.

Изъ другихъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ болѣе развита эта сторона психологическаго анализа у Лермонтова; но и у него она все-таки играетъ слишкомъ второстепенную роль, обнаруживается рѣдко, да и то почти въ совершенномъ подчиненіи анализу чувства. Изъ тѣхъ страницъ, гдѣ она выступаетъ замѣтнѣе, едва ли не самая замѣчательная—(памятныя всѣмъ) размышленія Печорина о своихъ отношеніяхъ къ княжнѣ Мери, когда онъ замѣчаетъ, что она совершенно увлеклась имъ, бросивъ кокетничанье съ Грушницкимъ для серьезной страсти.

«Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь» и т. д.— «Изъ чего же я хлопочу? Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но вѣроятнаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладшія заблужденія блвжняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда овъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

«— Мой другъ, со мною было тоже самое, и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, в, надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ...» и т. д.

Тутъ яснѣе, нежели гдѣ нибудь у Лермонтова, уловленъ психическій процессъ возникновенія мыслей, — и, однакожь, это все-таки не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣми изображеніями хода чувствъ и мыслей въ головѣ челоѣка, которыя такъ любимы графомъ Толстымъ. Это вовсе не то, что полумечтательныя, полурефлективныя сѣпленія понятій и чувствъ, которыя растутъ, движутся, измѣняются передъ нашими глазами, когда мы читаемъ повѣсть графа Толстаго,—это не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ его изображеніями картинъ и сценъ, ожиданій и опасеній, проносящихся въ мысли его дѣйствующихъ лицъ; размышленія Печорина наблюдаемы вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ различныя минуты душевной жизни лицъ, выводимыхъ графомъ Толстымъ,—хотя бы, напримѣръ, это изображеніе того, что проживаетъ челоѣкъ въ минуту, предшествующую ожидаемому смертельному удару, потомъ въ минуту послѣдняго сотрясенія нервовъ отъ этого удара:

«Только что Праскухинъ, идя рядомъ съ Михайловымъ, разошелся съ Кадугинъ и, подходя въ менѣе опасному мѣсту, вачиналъ уже оживать немного, какъ онъ увидѣлъ молнію, ярко блеснувшую сзади себя, услыхатъ крикъ часоваго: «марше!» и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: «какъ разъ на бастионъ прилетитъ!»

Михайловъ оглянулся. Свѣтлая точка бомбы, казалось, остановилась въ своемъ зенитѣ—въ томъ положеніи, когда рѣшительно нельзя опредѣлить ея направленіе. Но это продолжалось только мгновеніе: бомба быстрѣе и быстрѣе, ближе и ближе, такъ что уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистываніе, опуевалась прямо въ средину батальона.

— Ложись! крикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмуривъ, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ—бомбу не рвало. Праскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсилъ? можетъ быть бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипитъ тутъ же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновеніе встрѣтились съ свѣтащейся трубкой въ аршинѣ отъ него крутившейся бомбы.

Ужасъ—холодный, исключашій неѣ другія мысли и чувства, все существо его. Онъ зякрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда,—секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей, надеждъ, воспоминаній промелькнулъ въ его воображеніи.

«Кого убьютъ—меня или Михайлова? или обонгъ вмѣстѣ? А кола меня, то куда? въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ, и я попрошу, чтобы непременно съ хлороформомъ,—я я могу еще жить остаться. А, можетъ быть, одного Михайлова убьютъ: тогда я буду рассказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нѣтъ, ко мнѣ ближе... меня!»

Тутъ онъ вспомнить про двѣнадцать рублей, которые былъ долженъ Михайлову, вспомнилъ еще про одинъ долгъ въ Петербургѣ, который давно надо было заплатить; цыганскій мотивъ, который онъ пѣлъ вечеромъ, пришедъ ему въ голову. Женщина, которую онъ любилъ, явилась ему въ воображеніи въ чепцѣ съ лиловыми лентами, чепецъ, которыми онъ былъ оскорбленъ пять лѣтъ тому назадъ и которому не отплатить за оскорбленіе, вспомнился ему, хотя вмѣстѣ, неразрывно съ вѣтми и тысячами другихъ воспоминашій чувство настоящаго—ожиданіе смерти—ни на мгновѣніе не покидало его. «Впрочемъ, можетъ быть не лопнетъ», подумалъ онъ и съ отчаянной рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновѣніе, еще сквозь закрытыя вѣки, глава его поразила красный огонь, съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ средину груди: онъ побѣжалъ куда-то, споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

«Слава Богу! я только контуженъ», было его перною мыслью, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди, но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ бессознательно считалъ ихъ: «одинъ, два, три солдата; а вотъ, въ подвернутой шинели, офицеръ», думалъ онъ. Потомъ молнія блеснула въ его глазахъ, и онъ думалъ, изъ чего это выстрѣлили: изъ мортиры или изъ пушки? Должно быть изъ пушки. А вотъ еще выстрѣлили: а вотъ еще солдаты—пять, шесть, семь солдатъ, идутъ все мимо. Ему вдругъ стало страшно, что они раздавятъ его. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ, но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу, и ужасная жажда мучила его. Онъ чувствовалъ, какъ мокро было у него около груди: это ощущеніе мокроты напоминало ему о водѣ, и ему хотѣлось бы даже выпить то, тѣмъ это было мокро. «Вѣрно, я и кровь разбился, какъ упалъ», подумалъ онъ, и, все болѣе и болѣе начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавать его, онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ закричать: «возьмите меня!» но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ,—а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни все прыгали рѣже и рѣже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже болѣе не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ средину груди».

Это изображеніе внутренняго монолога надобно, безъ преувеличенія, назвать удивительнымъ. Ни у кого другаго изъ нашихъ писателей не найдете вы психическихъ сценъ, подмѣченныхъ съ этой точки зрѣнія. И, по нашему мнѣнію, та сторона таланта графа Толстаго, которая даетъ ему возможность уловлять эти психическіе монологи, составляетъ въ его талантѣ особенную, только ему свойственную силу. Мы не то хотимъ сказать, что графъ Толстой непременно и всегда будетъ давать намъ такія картины: это совершенно зависить отъ положеній, имъ изображаемыхъ, и наконецъ просто отъ воли его. Однажды написавъ «Метель», которая вся состоитъ изъ ряда подобныхъ внутреннихъ сценъ, онъ въ другой разъ написалъ «Записки Маркера», въ которыхъ нѣтъ ни одной такой сцены, потому что ихъ не требовалось по идеѣ Психическіе фигуральнымъ языкомъ, онъ умѣетъ играть не одной этой или не играть на ней, но самая способность играть

на ней придаетъ уже его таланту особенность, которая видна во постоянно. Такъ, иъвецъ, обладающій въ своемъ діапазонѣ необыкновенными нотами, можетъ не брать ихъ, если то не требуется его партіи. — все-таки, какую бы ноту онъ ни бралъ, хотя бы такую, которая равна ступня всѣмъ голосамъ, каждая его нота будетъ имѣть совершенно особую звучность, зависящую собственно отъ способности его брать высокую ноту. — каждой нотѣ его будетъ обнаруживаться для знатока весь размѣръ его діапазона.

Особенная черта въ талантѣ графа Толстаго, о которой мы говорили такъ оригинальна, что нужно съ большимъ вниманіемъ всматриваться въ нее и тогда только мы поймемъ всю ея важность для художественнаго достоинства его произведеній. Психологическій анализъ есть едва ли не самое существенное изъ качествъ, дающихъ силу творческому таланту. Но обыкновенно имѣетъ, если такъ можно выразиться, описательный характеръ, — беретъ дѣльное, неподвижное чувство и разлагаетъ его на составныя части, — даетъ намъ, если такъ можно выразиться, анатомическую таблицу. Въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ мы, кромѣ этой стороны его, замѣчаемъ и другое вѣдѣніе, проявленіе котораго дѣйствуютъ на читателя или зрителя чрезвычайна поразительно: это — уловленіе драматическихъ переходовъ одного чувства въ другое, одной мысли въ другую. Но обыкновенно намъ представляются только два крайнія звена этой цѣпи, только начало и конецъ психическаго процесса, — это потому, что большинство поэтовъ, имѣющихъ драматическій талантъ въ своемъ талантѣ, заботятся преимущественно о результатахъ, проявленіи внутренней жизни, о столкновеніяхъ между людьми, о дѣйствіяхъ, а не о внутреннемъ процессѣ, посредствомъ котораго вырабатывается мысль или чувство. Даже въ монологахъ, которые повидимому чаще всего должны бы служить проявленіемъ этого процесса, почти всегда выражается борьба чувствъ, и въ этой борьбѣ отвлекаетъ наше вниманіе отъ законовъ и переходовъ, которыми совершается ассоціація представленій, — мы заняты ихъ контрастами, не формами ихъ возникновенія, — почти всегда монологи, если содержатъ простое анатомированіе неподвижнаго чувства, только внѣшностью отличаются отъ діалоговъ: въ знаменитыхъ своихъ рефлексіяхъ, Гамлетъ какъ бы разсуждаетъ и споритъ самъ съ собою: его монологи въ сущности принадлежатъ тому же роду сценъ, какъ и діалоги Фауста съ Мефистофелемъ, или маркиза Позы съ Донъ-Карлосомъ. Особенность таланта графа Толстаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничивается изображеніемъ результатовъ психическаго процесса: его интересуетъ самый процессъ, — и едва уловимыя измѣненія этой внутренней жизни, смѣняющіяся одно другимъ съ чрезвычайною и неистощимымъ разнообразіемъ, мастерски изображаются графомъ Толстымъ. Есть живописцы, которые знамениты искусствомъ уловлять мгновенное отраженіе луча на быстро катящихся волнахъ, трепетаніе свѣта на шелестѣхъ листьяхъ, переливы его на измѣнчивыхъ очертаніяхъ облаковъ: они преимущественно говорятъ, что они умѣютъ уловлять жизнь природы. Но подобное дѣлаетъ графъ Толстой относительно таинственнѣйшихъ движеній психической жизни. Въ этомъ состоитъ, какъ намъ кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей онъ одинъ мастеръ на это дѣло.

Конечно, эта способность должна быть врождена отъ природы, какъ и всякая другая способность; но было бы недостаточно остановиться на этомъ слишкомъ общемъ объясненіи: только самостоятельно дѣятельностью развивается талантъ, и въ той дѣятельности, о чрезвычайной энергіи которой свидѣлствуетъ замѣченная нами особенность произведеній графа Толстаго, надобно видѣть основаніе силы, пріобрѣтенной его талантомъ. Мы говоримъ о самоуглубленіи, о стремленіи къ неутомимому наблюденію надъ самимъ собою. Законы человѣческаго дѣйствія, игру страстей, сдѣяніе событій, сличеніе обстоятельствъ и отношеній мы можемъ изучать, внимательно наблюдая другихъ людей; но все знаніе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, не будетъ имѣть ни глубины, ни точности, если мы не изучимъ современнѣйшихъ законовъ психической жизни, игра которыхъ открыта передъ нами только въ нашемъ общественномъ самосознаніи. Кто не изучилъ человѣка въ самомъ себѣ, никогда не достигнетъ глубокаго знанія людей. Та особенность таланта графа Толстаго, о которой говорили мы выше, доказываетъ, что онъ чрезвычайно внимательно изучалъ тайны жизни человѣческаго духа въ самомъ себѣ; это-знаніе драгоценно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутреннихъ движеній человѣческой мысли, на которыя мы обратили вниманіе читателя, но еще, быть можетъ, болыше потому, что дало ему прочную основу для изученія человѣческой жизни вообще, для разгадыванія характеровъ и пружинъ дѣйствія, борьбы страстей и впечатлѣній. Мы не ошибемся, сказавъ, что самонаблюденіе должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, пріучить его смотрѣть на людей проницательнымъ взглядомъ.

Драгоценно въ талантѣ это качество, едва ли не самое прочное изъ всѣхъ правъ на славу истинно замѣчательнаго писателя. Знаніе человѣческаго сердца, способность раскрывать передъ нами его тайны—вѣдь это первое слово въ характеристикѣ каждаго изъ тѣхъ писателей, творенія которыхъ съ удивленіемъ перечитываются нами. И, чтобы говорить о графѣ Толстомъ, глубокое изученіе человѣческаго сердца будетъ неизмѣнно придавать очень высокое достоинство всему, что бы ни написалъ онъ и въ какомъ бы духѣ ни написалъ. Вѣроятно, онъ напишетъ много такого, что будетъ поражать каждаго читателя другими, болѣе эффектными качествами, глубиною пѣи, интересомъ концепцій, сильными очертаніями характеровъ, яркими картинами быта—и въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя уже извѣстны публикѣ, этими достоинствами постоянно возвышался интересъ,—но для истиннаго знатока всегда будетъ видно—какъ очевидно и теперь—что знаніе человѣческаго сердца основная сила его таланта. Писатель можетъ увлекать сторонами болѣе блестящими; но истинно сплосъ и прочепъ его талантъ только тогда, когда обладаетъ этимъ качествомъ.

Есть въ талантѣ г. Толстаго еще другая сила, сообщающая его произведеніямъ совершенно особенное достоинство своєю чрезвычайно замѣчательной свѣжестью—чистота нравственнаго чувства. Мы не проповѣдники пуританизма; напротивъ, мы опасаемся его: самый чистый пуританизмъ вреденъ уже тѣмъ, что дѣлаетъ сердце суровымъ, жесткимъ; самый искренній и правдивый моралистъ вреденъ тѣмъ, что ведетъ за собою десятки лицемѣровъ, прикрывающихъ его пменемъ. Съ другой стороны, мы не такъ слѣпы, чтобы не видѣть

чистаго свѣта высокой нравственной идеи во всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы нашего вѣка. Никогда общественная нравственность не достигала такого высокаго уровня, какъ въ наше благородное время,—благородное и прекрасное, несмотря на всѣ остатки ветхой грязи, потому что всѣ силы свои напрягаетъ оно, чтобы омыться и очиститься отъ наслѣдныхъ грѣховъ. И литература нашего времени, во всѣхъ замѣчательныхъ своихъ произведеніяхъ, безъ исключенія, есть благородное проявленіе чистѣйшаго нравственнаго чувства. Не то мы хотимъ сказать, что въ произведеніяхъ графа Толстаго чувство это сильнѣе, нежели въ произведеніяхъ другаго какого изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей: въ этомъ отношеніи, всѣ они равно высоки и благородны, но у него это чувство имѣетъ особенный оттѣнокъ. У иныхъ оно очищено страданіемъ, отрицаніемъ, просвѣтлено сознательнымъ убѣжденіемъ, является уже только какъ плодъ долгихъ испытаній, мучительной борьбы, быть можетъ, цѣлаго ряда паденій. Не то у графа Толстаго: у него нравственное чувство не возобновлено только рефлексією и опытомъ жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести. Мы не будемъ сравнивать того и другаго оттѣнка въ гуманическомъ отношеніи, не будемъ говорить, который изъ нихъ выше по абсолютному значенію—это дѣло философскаго или социальнаго трактата, а не рецензіи—мы здѣсь говоримъ только объ отношеніи нравственнаго чувства къ достоинствамъ художественнаго произведенія, и должны признаться, что въ этомъ случаѣ непосредственная, какъ бы сохранившаяся во всей непорочности отъ чистой поры юности, свѣжесть нравственнаго чувства придаетъ поэзіи особенную—трогательную и граціозную—очаровательность. Отъ этого качества, по нашему мнѣнію, во многомъ зависитъ прелесть рассказовъ графа Толстаго. Не будемъ доказывать, что только при этой непосредственной свѣжести сердца можно было рассказать «Дѣтство» и «Отрочество» съ тѣмъ чрезвычайно вѣрнымъ колоритомъ, съ тою нѣжною граціозностью, которыя даютъ истинную жизнь этимъ повѣстямъ. Относительно «Дѣтства» и «Отрочества» очевидно каждому, что безъ непорочности нравственнаго чувства невозможно было бы не только исполнить эти повѣсти, но и задумать ихъ. Укажемъ другой примѣръ—въ «Запискахъ Маркера»: исторію паденія души, созданной съ благороднымъ направленіемъ, могъ такъ поразительно и вѣрно задумать и исполнить только талантъ, сохранившій первобытную чистоту.

Благотворное вліяніе этой черты таланта не ограничивается тѣми рассказами или эпизодами, въ которыхъ онъ выступаетъ замѣтнымъ образомъ на первый планъ: постоянно служить она оживительницею, освѣжительною таланта. Что въ мірѣ поэтичности, прелесть чистоты юношеской души, съ радостною любовью откликающейся на все, что представляется ей возвышеннымъ и благороднымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ сама она? Кто не испытывать, какъ освѣжается его духъ, просвѣтляется его мысль, облагораживается все существо присутствіемъ дѣйствительнаго душою существа, подобнаго Корделии, Офеліи или Дездемонѣ? Кто не чувствовалъ, что присутствіе такого существа навѣваетъ поэзію на его душу, и не повторялъ вмѣстѣ съ героемъ г. Тургеневъ (въ «Фаустѣ»):

Своимъ врѣмемъ меня одѣвъ,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будетъ снѣнь
Для очарованной души...

Такова же сила нравственной чистоты и въ поэзіи. Произведеніе, въ которомъ вѣетъ ея дыханіе, дѣйствуетъ на насъ освѣжительно, миротворно, какъ природа,—вѣдь и тайна поэтического вліянія природы едва ли не заключается въ ея непорочности. Много зависитъ отъ того же вѣянія нравственной чистоты и граціозная прелесть произведеній графа Толстаго.

Эти двѣ черты—глубокое знаніе тайныхъ движеній психической жизни и непосредственная чистота нравственнаго чувства, придающія теперь особенную фшзіономію произведеніямъ графа Толстаго, останутся существенными чертами его таланта, канія бы новыя стороны ни выказались въ немъ при дальнѣйшемъ его развитіи.

Само собою разумѣется, что всегда останется при немъ и его художественность. Объясняя отличительныя качества произведеній графа Толстаго, мы до сихъ поръ не упоминали объ этомъ достоинствѣ, потому что оно составляетъ принадлежность, или лучше сказать, сущность поэтического таланта вообще, будучи собственно только собирательнымъ именемъ для обозначенія всей совокупности качествъ, свойственныхъ произведеніямъ талантливыхъ писателей. Но стоитъ вниманія то, что люди, особенно много толкующіе о художественности, наименѣе понимаютъ, въ чемъ состоятъ ея условія. Мы гдѣ-то читали недоумѣніе относительно того, почему въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ» нѣтъ на первомъ планѣ какой нибудь прекрасной дѣвушки лѣтъ восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась въ какого нибудь также прекраснаго юношу... Удивительныя понятія о художественности! Да вѣдь авторъ хотѣлъ изобразить дѣтскій и отроческій возрастъ, а не картину пылкой страсти, и развѣ вы не чувствуете, что еслибъ онъ ввелъ въ свой рассказъ эти фигуры и этотъ патетизмъ, дѣти, на которыхъ онъ хотѣлъ обратить ваше вниманіе, были бы заслонены, ихъ милыя чувства перестали бы занимать васъ, когда въ рассказѣ явилась бы страстная любовь,—словомъ, развѣ вы не чувствуете, что единство рассказа было бы разрушено, что идея автора погибла бы, что условія художественности были бы оскорблены? Именно для того, чтобы соблюсти эти условія, авторъ не могъ выводить въ своихъ рассказахъ о дѣтской жизни ничего такого, что заставило бы насъ забыть о дѣтяхъ, отвернуться отъ нихъ. Далѣе, тамъ же мы нашли нѣчто въ родѣ намека на то, что графъ Толстой ошибся, не выставивъ картинъ общественной жизни въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ»; да мало ли и другого чего онъ не выставилъ въ этихъ повѣстяхъ? въ нихъ нѣтъ ни воевыхъ сценъ, ни картинъ итальянской природы, ни историческихъ воспоминаній, нѣтъ вообще многого такого, что можно было бы, но не умѣстно и не должно было бы рассказывать: вѣдь авторъ хочетъ перенести насъ въ жизнь ребенка,—а развѣ ребенокъ понимаетъ общественные вопросы, развѣ онъ имѣетъ понятіе о жизни общества? Весь этотъ элементъ столь же чуждъ дѣтской жизни, какъ лагерная жизнь, и условія художественности были бы точно такъ же нарушены, если бы въ «Дѣтствѣ» была изображена общественная жизнь, какъ и тогда, еслибъ

изображена была въ этой повѣсти военная или историческая жизнь. Мы любимъ не меньше кого другаго, чтобы въ повѣстяхъ изображалась общественная жизнь; но вѣдь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускаетъ внесеніе общественныхъ вопросовъ въ произведеніе; не должно забывать, что первый законъ художественности—единство произведенія, и что потому, изображая «Дѣтство», надобно изображать именно дѣтство, а не что либо другое, не общественные вопросы, не военные сцены, но Петра Великаго я не Фауста, не Индіану и не Рудина, а дѣтя съ его чувствами и понятіями. И люди, предъявляющіе столь узкія требованія, говорятъ о свободѣ творчества! Удивительно, какъ не ищутъ они въ «Иліадѣ»—Макбета, въ Вальтерѣ Скоттѣ—Диккенса, въ Пушкинѣ—Гоголя! Надобно понять, что поэтическая идея нарушается, когда въ произведеніе вносятся элементы, ей чуждые, и что если бы, напримѣръ, Пушкинъ въ «Каменномъ Гостѣ» вздумалъ изображать русскихъ поѣщиковъ или выражать свое сочувствіе къ Петру Великому, «Каменный Гость» вышелъ бы произведеніемъ нелѣпымъ въ художественномъ отношеніи. Всею свое мѣсто: картинамъ южной любви въ «Каменномъ Гостѣ», картинамъ русской жизни въ «Онѣгинѣ», Петру Великому въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Такъ и въ «Дѣтствѣ» или «Отрочествѣ» уместны только тѣ элементы, которые свойственны тому возрасту,—а патриотизму, героизму, военной жизни будетъ свое мѣсто въ «Военныхъ Разсказахъ», страшной нравственной драмѣ—въ «Запискахъ Маркера», изображенію женщины въ «Двухъ Гусарахъ». Помните ли вы эту чудную фигуру дѣвушки, сидящей у окна ночью, помните ли, какъ бьется оя сердце, какъ сладко томится ея грудь, предчувствіемъ любви?

«Простая съ матерью, Лиза одна повела въ бывшую дядину комнату. Надѣвъ бѣлую кофточку и спрятавъ въ платокъ свою густую длинную косу, она потушила свѣчу, подняла окно и съ ногами сѣла на стулъ, устремивъ задумчивые глаза на прудъ, теперь уже весь блестящій серебрянымъ сіяньемъ.

«Всѣ ея привычныя занятія и интересы вдругъ явились передъ ней совершенно нѣ новомъ свѣтѣ: старая, капризная мать, несудящая любовь къ которой сдѣлалась частью ея души, дряхлый, но любезный дядя, дворовые, мужики, обожающіе барышню, дойныя коровы и телки, — вся эта все та же, сколько разъ умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой съ любовью къ другимъ и отъ другихъ она выросла, все, что давало ей такой логіи, пріятный душевный отдыхъ, — все это вдругъ показалось не то, все это показалось скучно, не нужно. Какъ будто кто нибудь сказалъ ей: «дурочка, дурочка! двадцать лѣтъ дѣлала вздоръ, служила кому-то зачѣмъ-то и не знала, что такое жизнь и счастье!» Она это думала теперь, вглядываясь въ глубину свѣтлаго, неподвижнаго сада, сильнѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли? нисколько не внезапная любовь къ грифу, какъ бы это можно было предположить. Напротивъ, онъ ей не нравился. Корнетъ могъ бы скорѣе занимать; но онъ дуренъ, бѣдный, и молчаливъ какъ-то. Она невольно забывала его и съ злобой и съ досадою вызывала въ воображеніи образъ графа. «Нѣтъ, не то», говорила она сама себѣ. Идеаль ея былъ такъ прелестенъ! Это былъ идеаль, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ея красоты, могъ быть любимымъ, — идеаль, ни разу не обрѣзанный, для того, чтобы слить его съ какой нибудь грубой дѣйствительностью.

«Сначала удивленіе въ отсутствіе людей, которые бы могли обратить ея вниманіе, сдѣлали то, что вся сила любви, которую въ душу каждаго изъ насъ вложило Провидѣніе, была еще цѣла в невозмутима въ ея сердцѣ; теперь же уже слишкомъ долго она жила грустнымъ счастьемъ чувствовать въ себѣ присутствіе этого чего-то

и, изрѣдка открывая таинственный сердечный соеудъ, наслаждаться созерцаишемъ его богатствъ, чтобы необдуманно налить на кого нибудь все то, что тамъ было. Дай Богъ, чтобы ова до гроба наслаждалась этимъ скуднымъ счастиемъ. Кто знаетъ, не лучше ли и не сильнѣе ли оно? и не одно ли оно истинно и возможно?

«Господи Боже мой!—думала она—неужели я даромъ потеряла счастье и молодость, я ужъ не будетъ... никогда не будетъ? неужели это правда? и она взгляды- валась въ высокое свѣтлое около мѣсяца небо, покрытое бѣлыми волнистыми тучами, которыя, застилая звѣздочки, подвигались къ мѣсяцу. «Если захватить мѣсяцъ это верхнее бѣлое облачко, значить правда», подумала она. Туманная, дымчатая полоса пробѣ- жала по нижней половинѣ овѣтлаго круга, и понемногу свѣтъ сталъ слабѣть на травѣ, на верхушкахъ липъ, на прудѣ, черныя тѣни деревь стали ментѣ замѣтны. И, какъ будто вторя мрачной тѣни, оствившей природу, легкій вѣтерокъ пронесся по листьямъ и донесъ до окна росистый запахъ листьевъ. влажной земли и цвѣтущей сирени.

«Нѣтъ, вто неправда—утѣшала она себя—а вотъ если соловей запоетъ нынче ночью, то значить вздоръ все, что я думаю, в ве надо отчаяваться, подумала она. И долго еще сидѣла молча, дожидаясь кого-то, несмотря на то, что снова все освѣ- тилось в ожило, и снова нѣсколько разъ набѣгали на мѣсяцъ тучки, и все померкло. Она уже засыпала такъ, сидя у окна, когда соловей разбудилъ ее частой трелью, раздававшейся звонко низомъ по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опять съ новымъ наслаждеишемъ вся душа ея обновилась этимъ таинственнымъ соедвнениешъ съ природой, которая такъ спокойно и свѣтло раскинулась передъ ней. Она облоко- тилась на обѣ руки. Какое-то томительно сладкое чувство грусти славил о ей грудь, и слезы чистой, широкой любви, жаждущей удовлетворенiя, хороши, утѣшительныи слезы, налили въ глаза ея. Она сложила руки на подововникъ и на нихъ поло- жила голову. Любимая ея молитва какъ-то сама пришла ей въ душу, и ова такъ и задремала съ мокрыми глазами.

«Прикосновение чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновение это было легко и прiятно. Рука сжимала крѣпче ея руку. Вдругъ она вспомнила дѣйствительность, вскрикнула, вскочила и, сама себя утѣрая, что не узнала графа, который стоялъ подъ окномъ, весь облитый луннымъ свѣтомъ, выбѣжала изъ комнаты»...

Графъ Толстой обладаетъ истиннымъ талантомъ. Это значить, что его произведенiя художественны, то есть въ каждомъ изъ нихъ очень полно осуществляется именно та идея, которую онъ хотѣлъ осуществить въ этомъ произведенiи. Никогда не говоритъ онъ ничего лишняго, потому что это было бы противно условiямъ художественности, никогда не безобразить онъ свои произведенiя примѣсю сценъ и фигуръ, чуждыхъ идеѣ произведенiя. Именно въ этомъ и состоятъ одно изъ главныхъ требованiй художественности. Нужно имѣть много вкуса, чтобы оцѣнить красоту произведенiй графа Толстаго; но зато человекъ, умѣющiй понимать истинную красоту, истинную поэзiю, ви- дить въ графѣ Толстомъ настоящаго художника, то есть поэта съ замѣча- тельнымъ талантомъ.

Этотъ талантъ принадлежитъ человеку молодому, съ свѣжими жизнен- ными силами, имѣющему передъ собою еще долгiй путь—многое новое встрѣ- тится ему на этомъ пути, много новыхъ чувствъ будетъ еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль, какая прекрасная надежда для нашей литературы, какiе богатые новыя матерiалы жизнь даетъ его поэзiи! Мы предсказываемъ, что все, данное донинѣ графомъ Толстымъ нашей литературѣ, только залоги того, что совершить онъ впоследствии; но какъ богаты и прекрасны эти залoги.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Съ портретомъ А. С. Пушкина. Спб. 1856. ¹⁾.

Дѣтей обыкновенно хвалятъ, но хвалятъ болѣе по привычкѣ, по какой-то нѣжной лести, нежели по ясному убѣжденію въ ихъ добротѣ, умѣ и другихъ хвалимыхъ качествахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не всегда умѣемъ цѣнить по достоинству, напримѣръ, умъ дѣтей, — по крайней мѣрѣ, мы вообще слишкомъ мало довѣряемъ ему, — мы или мучимъ его затверживаніемъ сухихъ правилъ и мертвыхъ словъ, смысла которыхъ не объясняемъ дѣтямъ, «потому что они еще дѣти, не поймутъ они этого», или, когда хотимъ доставить имъ пріятное чтеніе, болтаемъ съ ними о такихъ вещахъ и такимъ языкомъ, что умное дитя тотчасъ же замѣтитъ въ нашихъ словахъ притворное ребячество и будетъ подсмѣиваться надъ этимъ неловкимъ и скучнымъ ребячествомъ. Мы думаемъ, что дѣтскій разеудокъ слабъ, что дѣтскій умъ непроницателенъ; о, нѣтъ, напротивъ, онъ только неопытенъ, но, повѣрьте, очень остеръ и проницателенъ. Вѣдь научается же двѣнадцатилѣтній мальчикъ понимать алгебраическія отвлеченности, которыя и взрослому не всякому объяснишь. Если дѣтскій умъ въ состояніи понять квадратныя уравненія, безконечныя дроби, ньютоновъ бинномъ, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что онъ пойметъ такія живыя, объясняемыя наглядными примѣрами понятія, какъ, напримѣръ, поэзія, литература, поэтъ, и т. д.? Вѣдь согласитесь, что изъ насъ, взрослыхъ людей, найдется въдесятеро больше имѣющихъ сносное понятіе о поэзіи, искусствѣ, нежели имѣющихъ хотя какое нибудь понятіе о неполныхъ квадратныхъ уравненіяхъ? Стало быть, первыя понятія гораздо легче охватываются пониманіемъ, нежели послѣднія. Да, нужно только умѣючи приняться за дѣло, и съ дѣтьми можно говорить и объ исторіи, и о нравственныхъ наукахъ, и о литературѣ, такъ что они будутъ не только узнавать мертвые факты, но и понимать смыслъ, связь ихъ. Въ этомъ отношеніи мы вообще въ довольны книгами для дѣтскаго чтенія: онѣ слишкомъ — извините за выраженіе — оскорбляютъ дѣтей недовѣрчивостію къ ихъ уму, отсутствіемъ мысли, приторными сентенціями. Къ чему эта преднамѣренная пустота, преднамѣренное идиотство? Дѣтямъ очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только объясняющій самъ понималъ ясно предметъ, о которомъ взялся говорить съ дѣтьми, и умѣлъ говорить человѣческимъ языкомъ. Съ этой стороны мы довольны книжкою, заглавіе которой выписали. Надобно дѣтямъ узнать, кто былъ Пушкинъ и что онъ писалъ. Да почему же надобно знать это? Потому, что онъ былъ великій поэтъ, — и книжка объясняетъ своимъ читателямъ, что такое просвѣщеніе, литература, поэзія, поэтъ, великій человѣкъ, и объясняетъ эти понятія въ ихъ настоящемъ смыслѣ, нисколько не искажая ихъ, и посмотрите, какъ доступно уму двѣнадцатилѣтняго ребенка это объясненіе такихъ возвышенныхъ предметовъ:

«Пушвинъ — великій поэтъ», говоритъ каждый изъ насъ, и эти слова такъ важны, что надобно постараться какъ можно лучше вникнуть въ смыслъ ихъ и

¹⁾ Авторъ этой книги — Н. Г. Чернышевскій. Книга эта будетъ перепечатана въ т. X настоящаго изданія. — *Примѣчаніе издателя.*

объяснить ихъ: что такое значить «великій повтъ»? почему великіе повты пользуются общимъ глубокимъ уваженіемъ? и почему Пушкина всё считаютъ великимъ поэтомъ?

«Объяснивъ себѣ это, мы увидимъ, какъ необходимо каждому взъ насъ ближе познакомиться съ жизнью Пушкина и его сочиненіями.

«Не нужно доказывать, что образованію — самое великое благо для человѣка. Безъ образованія люди и грубы, и бѣдны, и несчастны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить рассказы путешественниковъ о дикаряхъ. Краснокожіе индѣйцы жили и отчасти еще живутъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ, которыя заняты теперь Сѣверо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всемъ необходимымъ для жизни, и многочисленными, богатыми, имѣющими все въ изобиліи сѣверо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что сѣверо-американцы — народъ образованный, а краснокожіе туземцы — дикари. Другой примѣръ, болѣе близкій къ намъ: Россія теперь государство могущественное и богатое, потому что русскіе, благодаря Петру Великому, стали народомъ образованнымъ; а всего только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ русскіе были угнетаемы и разоряемы татарами, потому что были еще мало образованы.

«Но не довольно того, что просвѣщеніе приноситъ народу в благосостояніе и могущество: оно доставляетъ человѣку такое душевное наслажденіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Каждый образованный человѣкъ чувствуетъ это в всегда скажетъ, что безъ образованія жизнь его была бы очень скучна и жалка.

«Теперь будетъ совершенно ясно, какъ важна для всеобщаго блага литература. если мы скажемъ, что изъ всѣхъ средствъ для распространенія образованности самое сильное — литература. Народъ, у котораго нѣтъ литературы, грубъ и невѣжественъ; чѣмъ болѣе усиливается и совершенствуется, или, навъ принято говорить, развивается литература, тѣмъ образованнѣе и лучше становится народъ.

«Образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто приобрѣлъ много знаній и, кромѣ того, привыкъ быстро и вѣрно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, какъ выражаются однимъ словомъ, привыкъ «мыслить», и, наконецъ, у кого понятія и чувства получили благородное и возвышенное направленіе, то есть приобрѣли сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Всѣ эти три качества — обширныя знанія, привычка мыслить и благородство чувствъ — необходимы для того, чтобы человѣкъ былъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ слова. У кого мало познаній, тотъ невѣжда; у кого умъ не привыкъ мыслить, тотъ грубъ или тупоуменъ; у кого нѣтъ благородныхъ чувствъ, тотъ человѣкъ дурной.

«Въ дѣтствѣ, въ первую пору молодости, человѣкъ учится въ школахъ: уроки наставниковъ имѣютъ ту цѣль, чтобы сдѣлать юношу образованнымъ человѣкомъ. Но когда онъ выходитъ изъ школы, перестаетъ учиться, его образованіе поддерживается и совершенствуется чтеніемъ, то есть, вмѣсто прежнихъ наставниковъ, которыхъ слушалъ мальчикъ в юноша, взрослый человѣкъ имѣетъ одну наставницу — литературу.

«Чтобы исполнить, какъ должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образованія, литература, какъ мы уже знаемъ, должна давать ему различныя знанія, развивать въ немъ привычку мыслить и поддерживать въ немъ любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до нѣкоторой степени исполняетъ всѣ эти условія; но нѣкоторыя книги имѣютъ главною своею цѣлью сообщать уму читателя различныя познанія — это книги, принадлежащія къ такъ называемой ученой литературѣ, напримѣръ, сочиненія по исторіи, по естественнымъ наукамъ и пр.; другія книги пишутся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣйствовать главнымъ образомъ на воображеніе и сердце читателя, возбуждая въ немъ сочувствіе къ доброму и прекрасному — это книги, принадлежащія къ такъ называемой изящной литературѣ. Между полезными дѣйствіями, какія производитъ на читателя книги того и другаго рода, есть очень много общаго; особенно сходны нехъ хорошія книги въ томъ, что непремѣнно возбуждаютъ въ читателѣ желаніе думать о томъ, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны онѣ между собою и въ томъ, что хорошая ученая книга, дѣйствуя болѣе всего на умъ, дѣйствуетъ также и на сердце; а про-

изведеній изящной литературы, преимущественно обращаясь въ сердцу читателя, въ то же время не остаются безполезны и для его ума, которому сообщаютъ вѣрные понятія о человѣческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень рѣзко отличается отъ ученой. Одну сторону этого различія мы уже знаемъ: главная цѣль ученыхъ сочиненій, какъ мы сказали, та, чтобы сообщать точныя свѣдѣнія по какой нибудь наукѣ, а сущность произведеній изящной словесности — въ томъ, что они дѣйствуютъ на воображеніе и должны возбуждать въ читателѣ благородныя понятія и чувства. Другое различіе состоитъ въ томъ, что въ ученыхъ сочиненіяхъ излагаются событія, происходившія на самомъ дѣлѣ, и описываются предметы, также на самомъ дѣлѣ существующіе или существовавшіе; а произведенія изящной словесности описываютъ и рассказываютъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какъ чувствуютъ и какъ поступаютъ люди въ различныхъ обстоятельствахъ, и примѣры эти болѣею частію создаются воображеніемъ самого писателя. Коротко можно выразить это различіе въ слѣдующихъ словахъ: ученое сочиненіе рассказываетъ, что именно было или есть, а произведеніе изящной литературы рассказываетъ, какъ всегда и ли обыкновенно бываетъ на свѣтѣ.

«Довольно намъ и этихъ двухъ замѣчаній, чтобы видѣть, до какой степени изящная литература различна отъ ученой, хотя есть у нихъ и много общаго.

«Можно теперь спросить: которая же изъ двухъ отраслей литературы важнѣе? которая болѣе приноситъ пользы людямъ? которая болѣе содѣйствуетъ распространенію и усовершенствованію просвѣщенія? На это образованный человѣкъ будетъ отвѣчать: обѣ онѣ равно важны, равно полезны людямъ. Ученая литература спасаетъ людей отъ невѣжества, а изящная — отъ грубости и пошлости; то и другое дѣло одинаково благотворны и необходимы для истиннаго просвѣщенія и для счастья людей.

«Теперь надобно только сказать, что хорошіе писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймемъ, какой высокій смыслъ заключается въ этомъ словѣ. Поэты — руководители людей къ благородному понятію о жизни и къ благородному образу чувствъ: читая ихъ произведенія, мы пріучаемся отвращаться отъ всего пошлаго и дурнаго, понимать очаровательность всего добраго и прекраснаго, любить все благородное; читая ихъ, мы сами дѣлаемся лучше, добрѣе, благороднѣе¹⁾.

«И если Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, великій поэтъ, то нельзя не согласиться, что овъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сдѣлали наиболѣе добра своимъ соотечественникамъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ каждый русскій наиболѣе обязанъ уважать и любить».

Интересно предисловіе этой книги, заключающее въ себѣ мысль очень оригинальную и, по нашему мнѣнію, вѣрную.

«Въ настоящей книгѣ взрослый читатель не найдетъ для себя ничего новаго о Пушкинѣ. Ея цѣль — служить для юношества началомъ знакомства съ великимъ русскимъ поэтомъ. Съ этою цѣлію въ ней разеязана а) жизнь поэта, по существующимъ нынѣ печатнымъ матеріаламъ, при чемъ составитель отдавалъ предпочтеніе фактамъ, рельефно представляющимъ трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представленъ краткій очеркъ произведеній Пушкина и в) помѣщено въ «Приложеніи» нѣсколько мелкихъ стихотвореній и отрывковъ изъ поэмъ Пушкина, выбранныхъ, разумѣется, согласно назначенію книги.

«Такимъ образомъ составленная книга о Пушкинѣ, по нашему мнѣнію, можетъ служить полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ русскаго юношества, какъ мужскаго, такъ и женскаго половъ.

¹⁾ Прежде называли поэтами только стихотворцевъ, а поэзію только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведеніями должно называть всѣ хорошія сочиненія по части изящной литературы, все равно, стихами ли они писаны, или прозою. Впрочемъ, до снхъ вѣрѣ «поэтами» называютъ въ особенности тѣхъ писателей, у которыхъ особенно много или воображенія, или душевной теплоты; тѣ произведенія изящной словесности, въ которыхъ холодный разумъ преобладаетъ надъ воображеніемъ и теплотою чувства, не принято называть «поэтическими».

«Изъ всего вышесказаннаго видно, что издатель ямѣлъ въ виду дѣтей. И, однакожь, книга не названа дѣтскою. Это едѣдано не безъ намѣренія. Кто потрудится перенестись мыслію къ собственному дѣтству и отрочеству, тотъ, вѣрно, вспомнить, какъ въ то время хотѣлось ему казаться *большимъ* и какъ отталкивало его одно названіе *дѣтскій*. Намъ случалось видѣть дѣтей, особенно въ порѣ перехода къ отрочеству, которыя именно поэтому не читали хорошихъ книгъ, тогда какъ съ жадностію бросались на книги сомнительнаго достоинства, лишь бы на нихъ не стояло: *для дѣтей*».

«Итакъ, мы думаемъ, что родители и наставники, которые, приобрѣтя нашу книгу, вырвутъ изъ нея этотъ листокъ прежде, чѣмъ отдадутъ ея въ руки своимъ питомцамъ, поступить весьма благоразумно: они придадутъ ей въ глазахъ своихъ питомцевъ двойной интересъ».

Портретъ Пушкина, приложенный къ книжкѣ, гравированъ на стали въ Лондонѣ. Внѣшній видъ книжки можно назвать изящнымъ.

Для легкаго чтенія. *Повѣсти, рассказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Т. IV. Спб. 1855.*

Успѣхъ «Легкаго Чтенія» возрастаетъ съ изданіемъ каждаго новаго тома, какъ и надобно было ожидать. Нѣтъ сомнѣнія, что вышедшій теперь четвертый томъ будетъ сильно содѣйствовать дальнѣйшему увеличенію успѣха сборника, предпринятаго г. Давыдовымъ; за то ручается выборъ пьесъ, вошедшихъ въ составъ этой части «Легкаго Чтенія». Въ ней заключаются: «Рассказъ лезгинца Асана о походе своихъ», г. Даля; «Агарь», стихотвореніе г. Полонскаго; «Десять дней въ Севастополѣ», г. Берга; шесть стихотвореній графа А. Толстаго; «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», комедія г. Тургенева; «Портретистъ», повѣсть г. Станицкаго; «Бобыль», рассказъ г. Григоровича; восемь стихотвореній г. Щербинны; «Зюльма», рассказъ г. Ковалевскаго.

Въ пятомъ томѣ, который, вѣроятно, не заставитъ долго ждать себя, обѣщаны: два стихотворенія Пушкина (не вошедшія въ изданія его сочиненій); «Неудавшаяся жизнь», повѣсть г. Григоровича; «Помѣщикъ», рассказъ г. Тургенева; «Идеалистъ», повѣсть г. Станкевича; «Призванія труженика», стихотвореніе Н***; «Недосказанная фраза», рассказъ г. П—ва; «Рыбная ловля», поэма г. Майкова; «Нянюшка», сцены г. Михайлова.

О золотѣ и серебрѣ. *Сочиненіе Н. Тарасенко-Отрѣшкова. Часть первая. Спб. 1856.*

Г. Тарасенко-Отрѣшковъ (камеръ-юнкеръ Двора Его Величества Императора Всероссийскаго, статскій совѣтникъ, членъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Общества Южной Россіи, какъ означаетъ онъ самъ себя на заглавномъ листѣ книги) рѣшился, по выраженію Сумарокова, «своими трудами принести честь своему отечеству» предъ лицомъ всей Европы, и потому издалъ въ Парижѣ на французскомъ діалектѣ первую часть своего сочиненія «О золотѣ и серебрѣ, происхожденіи ихъ и пр. и пр.»—заглавіе книги такъ же длинно, какъ и обозначеніе ея автора. (См. «Совр.» № VII, библіографія). Это похвально.

Не желая обидѣть и своихъ соотечественниковъ, не знающихъ по французски, онъ издалъ теперь ту же самую первую часть по русски. Это еще похвальнѣе. Но всего похвальнѣе было бѣ, еслибъ онъ первую часть напечаталъ только по французски, а вторую—только по русски. Тогда, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ русскіе, восхищенные второю частью, выучились бы по французски, чтобы прочесть первую, а всѣ французы, очарованные первою частью, выучились бы по русски, чтобы прочесть вторую.